

А.Е. ПЕТРАКОВА
A.E. PETRAKOVA

**АТТИЧЕСКИЕ ЧЕРНОФИГУРНЫЕ ВАЗЫ РЕДКИХ ФОРМ
ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ
ATHENIAN BLACK-FIGURE VASES OF RARE SHAPES FROM
THE EXCAVATIONS IN TYRITAKE**

Помимо стандартных, массово изготавливавшихся форм сосудов, которые дошли до нас в больших количествах, аттические гончары также создавали вазы более редких и даже исключительно редко встречающихся форм. К редким аттическим формам можно причислить, например, псиктер, который интерпретируют как вазу, использовавшуюся для охлаждения вина; известно немногим более ста черно- и краснофигурных аттических ваз такой формы, датируемых в пределах 530 – 450 гг. до н.э. [Drougou 1975]. Крайне редкой модификацией являются амфора-пси́ктер [BAPD 310175] и кратер-пси́ктер [BAPD 15922], дошедшие до нас вообще в единичных экземплярах. Еще одна довольно редкая форма аттической керамики – фиала, которую интерпретируют в качестве чаши для жертвенных возлияний с возможностью применения также и в контексте симпосия; целых и фрагментированных фиал, расписанных в чернофигурной технике и в технике Сикса [The Six's technique, см. о ней: Six, 1888; Haspels, 1969; Grossman, 1991; Cohen, 2006, p. 72–104; Αβρονιάκη, Σαμπλετάι 2016, σ. 18–20] известно немногим более ста [см. об этих фиалах: Lushey, 1939; Tsingarida, 2008; Tsingarida, 2009; Tsingarida, 2014]; существуют также краснофигурные и белофонные фиалы. К редким формам относится и эпинетрон – наколенник, который женщины использовали при занятиях ткачеством; черно- и краснофигурных эпинетронов на сегодняшний день опубликовано чуть менее ста [Heinrich, 2006]. Киаф и алабастр можно также назвать довольно редкими, хотя и более распространенными, чем псиктер или фиала, формами: к настоящему моменту опубликовано несколько сотен аттических киафов [Eisman, 1971], а аттических алабастров – немногим более шестисот [Algrain, 2014]; эти формы расписаны чаще всего в черно- и краснофигурной технике, но также известны киафы с росписью в технике Сикса и полихромные белофонные алабастры. Для сравнения аттических черно- и краснофигурных амфор только лишь в базе данных керамики Архива Бизли [BAPD] зафиксировано более девяти тысяч, кратеров – более одиннадцати тысяч, киликов разных форм – более тридцати тысяч. В целом, если речь идет о публикации материалов городища или некрополя, подобное пропорциональное соотношение между вазами редких и распространенных форм соблюдается: килики, амфоры, кратеры встречаются во много раз чаще, чем фиалы, киафы или псиктеры. Исключения бывают, но они, как

правило, обусловлены специфическим контекстом, например, раскопки святилища Деметры и Коры в Кирене дали значительное количество эпинетронов, что и не удивительно с учетом того, что речь идет о женских божествах, а приношениями являются керамические изделия, связанные с ткачеством – одним из характерных занятий добропорядочной женщины [Moore, 1987].

В отличие от массового материала, наличие которого может дать представление о масштабе вывоза ваз той или иной формы в разные центры Средиземноморья и Причерноморья [см., например, статистические данные по ввозу чернофигурных аттических киликов на Березань: Петракова, 2017], вазы редких форм и вазы, декорированные при помощи редких техник росписи, интересны тем, что сам факт их находки, даже в виде фрагментов, позволяет утвердительно ответить на вопрос о том, ввозили ли их вообще в определенный регион.

Аттические вазы редких форм известны в раскопках Северного Причерноморья. В их числе следует назвать, например, чернофигурный «сифон» (он же «клепсидра») из Ольвии [Trofimova, 2007, cat. 16; датирован 540–530 гг. до н.э., атрибутирован Мастеру скифоса из Карлсруэ], фрагментированные чернофигурные эпинетроны с Березани [Smith, 2010, cat. 215 – 216, fig. 206a–c, 207a–d; датированы концом VI – началом V вв. до н.э.], фрагменты краснофигурных ритонов V века до н.э. из Пантикапея [BAPD 275885, CVA Moscow, Pushkin State Museum of Fine Arts, fasc. 4, pl. 37,4, сопоставлено с работами Мастера Сотата; BAPD 25945, CVA Moscow, Pushkin State Museum of Fine Arts, fasc. 4, pl. 37,6-7; сопоставлено с работами Мастера Эретрии], белофонные алабастры из Пантикапея и Нимфея [Петракова, 2011]. Современные раскопки Тиритаки позволяют дополнить этот ряд, в том числе такими формами, находка которых ранее не была зафиксирована в публикациях керамики из раскопок различных центров Северного Причерноморья (хотя, возможно, они впоследствии будут выявлены среди не опубликованных к настоящему моменту материалов).

По крайней мере, один фрагмент из раскопок Тиритаки (рис. 1в) является частью стенки киафа – тонкостенного черпака с глубоким вместилищем и длинной тонкой вертикальной ручкой. Фрагмент был найден в 2018 году на раскопе XXVII в хозяйственной яме №35, датируемой концом VI – первой четвертью V в. до н.э. [Петракова, Букина 2021, кат. 37.1]. Обломок представляет собой часть стенки киафа с кромкой, к сожалению, других частей найдено не было. В стандартном варианте формы ручка киафа значительно возвышалась над туловом вазы и нередко украшалась рельефными деталями: можно предположить наличие таких деталей и у киафа из Тиритаки, а на основе близких аналогий (рис. 1б) представить себе даже характер и расположение этих деталей (рис. 1а). Аналогии позволяют восстановить не только общую композицию с орнаментом в виде ветви стилизованного плюща по краю, но и сюжетную роспись в виде изображения единоборства Пелея с Фетидой в центральной части сосуда, как, например, это представлено на киафе в Бохуме (рис. 1г).

Киафами (наряду с бронзовыми черпаками типа половника), судя по изобра-

жениям на вазах, участники пиров зачерпывали вино из больших сосудов и разливали его по чашам. Слово «κῠαθος» встречается в античных текстах, например, у Ксенофонта в «Киропедии»: «Как известно, виночерпии царей, когда подают фиалу, зачерпнув из нее киафом, наливают себе в левую руку вина и выпивают. Делается это для того, чтобы они сами испытали на себе действие яда, если подмешают его в вино» [Ксенофонт. Киропедия, I.3.9; пер. В.Г. Боруховича]. Однако, как понятно из контекста, речь идет о каком-то небольшом предмете, скорее всего, о металлическом черпаке, раз им можно зачерпнуть из неглубокой и небольшой чаши-фиалы. Как и многие другие названия вазовых форм, слово «киаф» применяется к данному керамическому сосуду достаточно условно [см. подробнее: Richter, Milne, 1935, p. 30–31].

Слишком тонкие стенки вместилища и тонкая изящная ручка киафа, не очень удобная для изготовления в таком материале, как глина, заставляют предположить наличие у формы металлического прототипа, в частности – до нас дошли бронзовые этрусские киафы. В Аттике эта форма стала практиковаться, по-видимому, под влиянием привозной этрусской продукции (киафов буккери) в последней трети VI в. – первой трети V в. до н.э., а к середине V века до н.э. форма вышла из употребления, возможно, вследствие проблем при использовании: тонкая ручка ломалась [см. о киафах: Sparkes, Talcott, 1970, p. 143; Eisman, 1971, p. 1–15; Eisman, 1973; Eisman, 1975; Schreiber, 1999, p. 144 – 147; Lynch, 2011a, p. 78, 131; Madina Tonglet, 2018].

Наиболее ранние экземпляры аттических чернофигурных киафов датируются около 530 г. до н. э. и связывают с мастерской гончара Никосфена; возможно, с изделиями этой мастерской следует связать и киаф из Тиритаки. Никосфен (ΝΙΚΟΣΘΕΝΕΣ) – гончар, владелец мастерской, его подпись сохранилась на более чем ста вазах, атрибутированных разным аттическим вазописцам, как черно-, так и краснофигурным. Ему приписывают изобретение различных оригинальных вариантов стандартных форм ваз (амфор, чаш, пиксид, киафов), в том числе – под влиянием привозной из Этрурии продукции, с целью последующей продажи в Этрурии же; в его мастерской экспериментировали также с росписями в разных техниках, например – в упоминавшейся выше технике Сикса. Работы Никосфена и мастеров его круга датируют второй половиной VI в. до н. э. [см. о нем: Beazley, 1956, p. 216; Beazley, 1963–68, p. 122 – 123; Boardman, 1974, p. 11–12, 64–65; Tosto, 1999; Lyons, 2009]; для продукции этой мастерской характерно особое изящество формы и качественные росписи, поэтому она пользовалась спросом не только в Афинах или Этрурии, но и по всему Средиземноморью.

В материалах из раскопок Северного Причерноморья чернофигурные аттические киафы редки (в раскопках Тиритаки к настоящему моменту описываемый фрагмент – единственный известный киаф). Те киафы, информация о происхождении которых известна, преимущественно найдены при раскопках на территории Италии (в первую очередь этрусских некрополей); известны единичные экземпляры с территории Сицилии, Греции, Турции. Кроме того, фрагмент из Тиритаки относится к довольно

редкой разновидности, украшенной в верхней части пояском со стилизованной ветвью плюща. Особенности формы и декора фрагмента киафа из Тиритаки позволяют датировать его ок. 520 г. до н.э.

Поясок в верхней части киафов – скорее исключение из правила; гораздо больше сохранилось киафов, вместилище которых украшено сюжетной росписью во всю высоту наружной стороны. В тех случаях, когда поясок все же присутствует, он может быть похож на триглифо-метопный фриз, как на киафе в Омахе [CVA Omaha, Joslyn Art Museum, fasc. 1, pl. 28, 1–4; 29, 1–4; Eisman, 1971, p. 485 no 1; Borgers, 2004, pl. 44; Φριτζίλας, 2006, πίν. 121, 389; BAPD 352587; датирован 515 – 500 гг. до н. э., соотнесен с работами Мастера Тезея], также может быть украшен зубчатым орнаментом, как на киафе в Музее Польди-Пеццоли в Милане [Beazley, 1956, p. 293 no 15; Carpenter, Mannack, 1989, p. 74; Madina Tonglet, 2014, p. 17, pl. 2, cat. 4; BAPD 320361; атрибутирован Псиаксу]; может представлять собой ломаную линию с точками, как на киафе в Малибу [The Colors of Clay, 2006, p. 242, fig. 1; BAPD 30359] и фрагменте в Гейдельберге [CVA Heidelberg, Universität, fasc. 1, Taf. 40, 8; Beazley, 1956, p. 697; BAPD 306650; датирован концом VI в. до н. э., сопоставлен с работами Мастера Лондон В 620]. На краснофигурных киафах орнаментальный поясок вверху также изредка встречается [CVA Berlin, Antikensammlung-Pergamonmuseum, fasc. 1, Taf. 39, 1–4; BAPD 203429].

Киафы, украшенные, как и фрагмент из Тиритаки, пояском со стилизованной ветвью плюща, хранятся в частной коллекции в Лугано [Beazley, 1971, p. 305 no 7; BAPD 342257], в Музее Клавдио Фаина в Орвьето [Haspels, 1936, p. 105; Beazley, 1956, p. 613 no 6; Beazley, 1971, p. 305; BAPD 306180], в Лувре [Eisman, 1973, p. 72, cat. 1, инв. СА 3309], все они атрибутированы «близко» Группе Ватикан G.57 [см. о ней: Beazley, 1956, p. 610–613; Eisman, 1973, p. 72], связанной с мастерской гончара Никосфена [Eisman, 1970], но на них немного другой рисунок листиков плюща, а гравировки менее свободные. Наиболее близкой по форме, характеру орнаментального и фигуративного декора представляется единственная на сегодняшний день известная подписная работа вазописца по имени Лидос-Раб (Lydos the Slave) – киаф в собрании Виллы Джулия (рис. 16), происходящий из могилы 145 некрополя Остерия в Вульчи [Carpenter, Mannack, 1989, p. 400; Canaciani, Neumann 1978, fig. 1–6; BAPD 6247], на котором написано: ΛΥΔΟΣ ΕΓΡΑΦΣΕΝ ΔΟΛΟΣ ΟΝ ΜΥΔΕΑΣΣ ΕΥΓΕ[...]Ο («Лидос расписал, раб из Мирины»). Хотя имена и одинаковы, Лидоса-Раба не отождествляют со знаменитым Лидосом, работавшим в 560 – 540 гг. до н. э. [см. о нем: Beazley, 1956, p. 107–113; Beazley, 1971, p. 43–46; Carpenter, Mannack, 1989, p. 29–32; Boardman, 1974, p. 52–54; Τιβέριος, 1976]; росписи Лидоса-Раба характеризуют как более слабые и поздние по сравнению с работами Лидоса.

Как уже было сказано, в материалах из раскопок Северного Причерноморья чернофигурные аттические киафы редки; целый экземпляр с происхождением из Ольвии относится к группе Ватикан G.57 [Beazley, 1956, p. 611 no 7; Carpenter, Mannack, 1989, p. 143; BAPD 306134], с работами которой сопоставим также и фрагмент из

Тиритакки. Частично сохранившуюся роспись на вместилище киафа из Тиритакки следует восстановить как сцену единоборства Пелея и Фетиды – похожая композиция украшает тулово киафа, хранящегося в Бохуме [CVA Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität, fasc. 1, Taf. 45, 1–3; BAPD 4880; LIMC ID 15852]. По сюжету и композиции этот киаф (рис. 1г) может быть назван аналогией киафу из Тиритакки, однако стиль росписи другой, гравировки гораздо более беглые; этот киаф датирован ок. 500 г. до н. э. и атрибутирован «в манере» Мастера Хаймона (The Haimon Painter), позднего чернофигурного вазописца, которого Э. Хаспельс образно охарактеризовала как «паука, находящегося в центре большой паутины из многочисленных вазописцев-подражателей» [Haspels, 1936, p. 130]. Похожую композицию можно также видеть на киафе в Британском музее [LIMC VII, pl. 189, Peleus, 82; BAPD 46060; LIMC ID 12524], но в принципе этот сюжет встречается в росписях киафов не так уж и часто. Еще одна любопытная особенность киафа из Тиритакки состоит в том, что, по-видимому, мы имеем дело с примером производственного брака: в результате нарушения температурного режима в процессе обжига лак приобрел не черный, а коричневый оттенок [ср. Lynch, 2011b, fig. 3], а красная охра выглядит темно-пурпурной, почти черной.

Несколько фрагментов из раскопок Тиритакки являются частями пиксид, также не самой распространенной формы аттических чернофигурных ваз: большее распространение форма получила в краснофигурной и белофонной вазописи [см.: Roberts, 1978]. Пиксиды принято интерпретировать как контейнеры для хранения, преимущественно косметических средств и украшений [см. о пиксидах: Sparkes, Talcott, 1970, p. 173–178; Moore, Philippides, 1986, p. 49–50; Roberts, 1978, p. 2–6; Schreiber, 1999, p. 224–235; Lyons, 2009]; именно в этом контексте слово фигурирует в античных текстах, например: «целая куча склянок [в оригинале «пиксид» – А.П.], ... в которых, как сокровища, хранятся зелья для чистки зубов или средства для окраски ресниц [Лукиан из Самосаты, Две любви, 39; пер. С. Ошерова] или: «Зубы на ночь свои ты вместе с шелками снимаешь / И отправляешься спать в сотне коробочек [в оригинале «пиксид» – А.П.] ты» [Марциал. Эпиграммы, IX, 37,3–4; пер. Ф.А. Петровского]. Термин «*πιξίς*» применяется к аттической керамической продукции с еще меньшей степенью правомочности, чем термин «киаф»: в Афинах эпох архаики и классики это слово для названия таких глиняных сосудов не использовалось, оно известно из текстов римского времени и применялось к контейнерам для косметических принадлежностей, сделанным из самых разных материалов [см.: Richter, Milne, 1935, p. 20].

Из сырцового развала на раскопе XXVII (работы производились в 2010 году) происходит миниатюрная пиксида [Петракова, Букина, 2021, кат. 41.12], являющаяся своеобразной вариацией пиксиды так называемого коринфского типа (The Corinthian type) [см. о них, например: Moore, Philippides 1986, p. 49–50, cat. 1265–1296]. Пиксида из Тиритакки украшена простым рядом пятнышек на венчике и рядом овалов на тулове (рис. 2а). По форме и декору она весьма близка той, что хранится в Тюбингене (рис. 2б) в собрании университета [CVA Tübingen, Antikensammlung

des Archäologischen Instituts der Universität, fasc. 3, S. 65, Taf. 52, 6–7; BAPD 5946]; высота аналогии составляет 2,9 см (с крышкой – 3,6 см), а высота фрагментированной пиксиды из Тиритаки – 2,2 см, т.е. размеры двух ваз также близки. У пиксиды в Тюбингене сохранилась крышка, отсутствующая у пиксиды из Тиритаки, но все остальные элементы формы и декора очень похожи. Также похожий предмет, аттестованный в публикации как «миниатюрная чернофигурная чашечка» высотой 2,3 см, происходит из раскопок грунтовой могилы 54, возможно детской, архаического некрополя Ольвии [Скуднава, 1988, кат. 75.4, фото на с. 63]; могила датирована 510 – 500 гг. до н. э.

Из раскопок 2007 года на территории хозяйственного двора строительного комплекса XXIII (большой сырцово-каменный дом) на раскопе XXVI происходит часть крышки с орнаментом (ил. 3а). В заполнении двора также были найдены фрагменты ионийских чаш второй и третьей четверти VI в. до н.э. [Буйских, 2014, кат. IV.3, 85, 86, 123], транспортных амфор [Зинько, 2014, с. 164], коринфских [Петракова, Букина, 2021, кат. 8.1–2] и чернофигурных аттических [Петракова, Букина, 2021, с. 73] ваз второй половины VI и первой четверти V в. до н.э. Крышка из Тиритаки украшена орнаментами; на внутренней стороне лак приобрел оранжевый цвет [дефект обжига – ср. Lynch 2011b, fig. 3]. По форме и размеру крышку из Тиритаки можно сравнить с крышкой пиксиды (ил. 3б) в собрании университета в Эрлангене [CVA Erlangen, Antikensammlung der Friedrich-Alexander-Universität, fasc. 2. Taf. 23, 1–7; BAPD 9033127], датированной концом VI в. до н. э. Такая разновидность получила название «трехногий пиксиды» [The Tripod-Pyxis; см. Moore, Philippides 1986, p. 50] – именно для них наиболее характерны такие нарядные крышки с поясами орнаментов.

Еще два фрагмента из Тиритаки (ил. 4а, ил. 5а) являются частями пиксид «никосфенового типа» [см. о них: Schreiber, 1999, p. 234–235; Lyons, 2009], получившего название по имени уже упоминавшегося гончара Никосфена, которое сохранилось на нескольких таких пиксидах, например, на той, что хранится во Флоренции [Lyons, 2009, p. 170, fig. 4; BAPD 201951] и датирована 525 – 500 гг. до н. э. Наиболее ранние экземпляры пиксид никосфенового типа ваз датируются 550-ми гг. до н. э., наиболее поздние – 500-ми гг. до н. э. По мнению К. Лайонс, такие пиксиды, с туловом, похожим на перевернутый цветок тюльпана, с изящной ножкой с широкой базой, крышкой с ручкой в виде бутона лотоса или желудя, служили, вероятно, для каких-то церемониальных и ритуальных целей, пиров (свадебных, погребальных); содержимым их могли быть благовонные смолы и травы; «никосфеновская пиксида, – по ее словам, – как бы выражала свое экзотическое содержимое через элегантные растительные аналогии своей формы» [Lyons, 2009, p. 174]. Происхождение такой необычной формы пиксиды связывают с вероятным деревянным, каменным или косяным прототипом, возможно из Леванта или Египта.

Из хозяйственной ямы I – III вв. н. э. в раскопе XXVI (кв. 16, яма № 109) происходят два фрагмента (ил. 4а), которые, несомненно, принадлежат крышке никос-

феновской пиксиды [Петракова, Букина, 2021, кат. 55.1]. При расчистке этой ямы были также найдены фрагменты транспортной и столовой керамики второй половины VI – первой четверти V в. до н. э. [Буйских, 2014, кат. I.75, IV.2.20], обломки аттических чернофигурных чаш рубежа третьей – последней четвертей VI в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 55.2–55.3], фрагменты чаши и скифоса конца VI – начала V в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 55.4–5]. Судя по профилю, размеру и характеру декора по свесу (черный свес и три полосы разбавленным лаком выше), фрагменты из Тиритаки принадлежали крышке, вроде той, что сохранилась на пиксиде в Бохуме [CVA Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität, fasc. 1, Taf. 45, 6, 46, 1–4, Beilage 13, 3; Lyons, 2009, cat. 8; BAPD 9026914] (ил. 4б, ил. 4д). Эта крышка украшена только орнаментальными поясками (ил. 4д); возможно, и крышка из Тиритаки была декорирована только орнаментами. На крышке из Орвьето (ил. 4г), украшенной изображением всадников [CVA Orvieto, Museo Claudio Faina, fasc. 1, tav. 4, 1–5; Wojcik, 1989, cat. 76; BAPD 9703], можно видеть такой же декор свеса – он черный, а сверху три тонких полосы разбавленным лаком; аналогичен и декор на другой крышке из Орвьето (ил. 4е) с изображением женщин, мужчин и воинов [CVA Orvieto, Museo Claudio Faina, fasc. 1, tav. 1, 2, 4; 3, 1–4; Wojcik, 1989, cat. 75; BAPD 9704]. Это – вообще характерный способ украшения крышек никосфеновских пиксид, не важно, декорированных поясками с фигурами (ил. 4г, ил. 4е), поясками с орнаментами и фигурами (ил. 4в) или исключительно орнаментами (ил. 4б, ил. 4д). Крышка в Бохуме датирована 530 – 520 гг. до н. э. и атрибутирована как «вероятно из мастерской Никосфена». Крышки из Орвьето датированы 540 – 530 гг. до н. э. в томе CVA и музейном каталоге и чуть более поздним временем – 530 – 520 гг. в специальной публикации К. Лайонс о пиксидах никосфеновского типа [Lyons, 2009, cat. 28–30]. Крышка в Бохуме имеет диаметр 17,2 см, обе крышки из Орвьето – 19 см, диаметр крышки из Тиритаки определяется как 17,5–18 см. На основе особенностей формы крышку пиксиды из Тиритаки можно датировать 530 – 520-ми гг. до н. э.; декор на ней сопоставим с декором на киликах и скифосах этого времени, также на лекифах и так называемых «никосфеновских амфорах» [ср., например, BAPD 30538, 302823]. Изменения формы с 550 по 500 гг. до н. э., которая становилась со временем все более вытянутой, а также разнообразие профилей венчиков, ножек, пропорций указывают на то, что пиксиды никосфеновского типа производились в нескольких мастерских [Lyons, 2009, p. 166–168]; однако приведенные аналогии, связанные именно с мастерской Никосфена, а также характерный растительный орнамент позволяют предположить, что крышка пиксиды из Тиритаки может быть изделием мастерской Никосфена.

Еще один фрагмент (ил. 5а) происходит из раскопок 2017 года [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.1]. Он был найден в хозяйственной яме № 34, датируемой концом VI – первой четвертью V в. до н. э. на раскопе XXVII. В заполнении ямы обнаружены фрагменты аттических чернофигурных сосудов, среди которых есть обломок леканы или чаши [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.11] третьей четверти VI в. до н. э., фраг-

менты закрытых сосудов [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.2–35.3] и чаш [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.4–35.6] последней трети VI в. до н.э., обломки чернофигурных чаш [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.7] и скифосов [Петракова, Букина, 2021, кат. 35.8–35.9] конца VI – начала V в. до н. э. Фрагмент из Тиритаки является частью тулова пиксиды никосфеновского типа, вероятно, украшенной изображением танцующих женщин. Она могла быть похожей на ту, что хранится в Берлине [Lyons, 2009, p. 173, fig. 8; cat. 44] (ил. 5б), можно также привести в пример две пиксиды (одна из них – ил. 5в) в Орвьето [Beazley, 1956, p. 622 по 125; Lyons, 2009, cat. 42; BAPD 306337; Lyons, 2009, cat. 43; BAPD 306338]. Все три названные аналогии происходят из раскопок погребений в Орвьето; ср. также фрагмент из Марцаботто [Beazley, 1971, p. 307 по 99quater; BAPD 352278 – ошибочно назван фрагментом скифоса] (ил. 5г). Все аналогии к фрагменту из Тиритаки определены как пиксиды никосфеновского типа, класса журавля (The Heron Class), группы СНС (The СНС Group); датируют их по особенностям формы и декора 500 – 490-ми гг. до н. э. [Lyons, 2009, p. 177]. Группа СНС – одна из групп ваз внутри класса журавля, она состоит из грубых («tough») скифосов (но есть и вазы других форм), на которых фигуративный декор помещен в довольно узком пояске – наиболее часто встречающимися сценами декора на них являются (1) колесницы в три четверти между парой бегущих амазонок; и (2) юноша, флиртующий («courting») с мальчиком, который держит большого белого петуха. От двух наиболее распространенных тем росписей группа получила свое условное название СНariot–Courting, где СН – начальные буквы слова «колесница» (chariot), а С – начальная буква слова «ухаживание/флирт» (courting); другие сценки бывают, но реже. Группа активно работала в последние десятилетия VI в. – первые десятилетия V в. до н. э., пиком ее активности считается время около 500 г. до н.э. [см. о ней: Beazley, 1956, p. 617–623; Beazley, 1971, p. 306–308; Borgers, 2004, p. 3–8; Lynch, 2011a, p. 113; Malagardis, 2017, p. 89–92]. Изображения танцующих сатиров и менад, комоса с участием мужчин и женщин, а также группы танцующих и играющих на музыкальных инструментах женщин характерны для декора пиксид никосфеновского типа, происходящих из Этрурии [Lyons, 2009, p. 173]; именно танцующие женщины, как и на фрагменте из Тиритаки, представлены на трех пиксидах группы СНС и одной крышке. Некоторые из этих изображений интерпретируют в связи с иерогамией в контексте Анфестерий.

К. Лайонс в специальной статье о никосфеновских пиксидах собрала список из восьмидесяти восьми единиц; те, что имеют подтвержденное археологическое происхождение, на территории Апеннинского полуострова найдены в погребениях (в том числе вместе с аттической керамикой для симпосия); на территории Греции и в восточной части Эгейского побережья, главным образом, в святилищах различных женских божеств (Артемиды, Деметры) в качестве подношений; также известны находки в святилищах (Геры, Афродиты) в Навкратисе, в раскопках дома архаического времени в Фокее вместе с кратерами, диносами, чашами, то есть вазами, связанными с симпосием [Lyons, 2009, p. 168–171]. Чернофигурные пиксиды различных типов

известны в раскопках агоры в Афинах, в святилищах и жилых домах на территории Эгейского бассейна, в некрополях на территории Апеннинского полуострова. В Северном Причерноморье пиксиды вообще редки – известны единичные экземпляры из Ольвии и Пантикапея [Скуднова, 1988, кат. 75,3–4; Самар, 2017, кат. Атт.31–32], но это не пиксиды никосфеновского типа, что делает находку ваз этой формы в раскопках Тиритаки особенно ценной и позволяет дополнить статистику распространения этой формы в Средиземноморье.

Еще два фрагмента из Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.1, 59.30] (ил.6а, ил. 7а), несомненно, являются частями фиал – широких и неглубоких чаш без ручек и ножки, в большинстве случаев – со сферическим выступом в центральной части [см. о них: Moore, Philippides, 1986, p. 105–106; Schreiber, 1999, p. 215–216]. Это еще одна редкая форма в аттической чернофигурной вазописи. В отличие от киафа или пиксиды слово «φιάλη» может быть применено к керамической вазе данной формы со значительной долей уверенности: из материалов раскопок на Кипре происходит серебряная чаша такой формы с надписью «Я – фиала Эпиора»; часть слова «фиала» сохранилась также на другой чаше – из Боскореале [см. подробнее: Richter, Milne, 1935, p. 29–30].

Фиалы использовали чаще всего для жертвенных возлияний – в пользу этого говорят и рисунки на вазах, и упоминания в текстах, например: «Тогда последний царь Псамметих, так как у него не было чаши [в оригинале «фиалы» – А.П.], снял с головы медный шлем и протянул его для возлияния» [Геродот. История, II,151; пер. Г.А. Стратановского]. Однако их также использовали и для питья вина, например: «Слей вино с водой, / В чаше, сладкой вестнице пира, / Буйный сын лозы / Пусть разольется по серебряным фиалам» [Пиндар. Немейские песни, IX,49-52; пер. М.Л. Гаспарова]. По мнению А. Цингариды, фиалы использовались для питья вина в особых случаях, а также чтобы выделиться среди других участников симпозиа, выразить эстетические и политические пристрастия [Tsingarida 2009].

В центре фиалы, как правило, имелся сферический выступ (используются названия «умбон», «омфал», «мезомфал»); с обратной стороны чаши, таким образом получалась выемка, за которую фиалу было удобно держать в руке. Форма появилась в Аттике в начале VI в. до н. э., как полагают, под влиянием восточных металлических образцов [Tsingarida, 2008, p. 105]. Известны аттические фиалы с черно- и краснофигурными, а также полихромными росписями VI–V веков до н.э., и чернолаковые, но их мало; по-видимому, гораздо большее распространение эта форма получила в металле [Lushey, 1939; Sparkes, Talcott, 1970, p.105–106; Moore, Philippides, 1986, p. 56–57; Cardon, 1978/79; Schreiber, 1999, p.215–216; Tsingarida, 2008; Gaifman, 2018]. Большинство чернофигурных аттических фиал датируют концом VI – началом V в. до н. э.

Фрагменты из Тиритаки украшены в технике Сикса, получившей название по фамилии ученого, описавшего ее в публикации 1888 года [см. о ней: Six, 1888; Haspels, 1969; Grossman, 1991; Cohen, 2006, p. 72–104; Αβρονιάκη, Σαμπετάι, 2016, σ. 18–20].

Это довольно редкая аттическая техника, при которой поверхность вазы покрывалась черным лаком, а уже после того, как он подсох, сверху наносили роспись, используя для этого белую, желтую, розовую или красную краску; иногда по ней делали тонкие гравировки, причем искусство мастера состояло в том, чтобы при их исполнении дойти лишь до слоя «черного лака», а не процарапывать линии до слоя незакрашенной глины. При помощи этой техники украшали вазы, преимущественно небольших размеров – фиалы, киафы, алабастры, скифосы. Аттические фиалы, декорированные в технике Сикса, как правило (как и фрагменты из Тиритаки), оставлены с наружной стороны в цвете глины (за исключением широкого пояaska черным лаком вдоль края), а внутри покрыты черным лаком и украшены росписью; вокруг омфала расположен поясок с «язычками», фигуры в росписи ориентированы головами к омфалу, иногда могут быть расположены в два яруса. Большинство таких аттических фиал датируют концом VI – началом V в. до н. э. [Moore, Philippides, 1986, p. 56–57].

Первый фрагмент (ил. 6а) был найден в 2007 году в хозяйственной яме № 84, датируемой I – III вв. н. э., рядом со строительным комплексом XXIX, на раскопе XXVI [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.1]. При расчистке ямы были также обнаружены обломки чернофигурной миниатюрной чаши-скифоса VI в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.2] и чернолаковой леканы V в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.3]. На фрагменте фиалы сохранилась часть орнамента в виде «язычков» вокруг омфала и часть фигуры сирены (хвост и крыло), вероятнее всего – музицирующей. Две играющие на лирах сирены (и две небольшие птицы, стоящие у их ног) украшают фиалу из раскопок в Камиросе (ил. 6б), хранящуюся в Британском музее [Hofstetter, 1990, Taf. 10, Kat. A 144; BAPD 28968]; сирены изображены идущими вправо, между ними – по три крупных пальметты. Также похожие сирены изображены на фиале (Ил. 6г) в Археологическом музее в Элевсине [Φριτζίλας, 2006, σ. 95, кат. 175, εικ. 26, πίν. 46, 175; BAPD 9040423] и фиале из раскопок Камироса (ил. 6в), хранящейся на Родосе [Φριτζίλας, 2006, σ. 96, кат. 176, πίν. 46, 176; 47, 176; BAPD 9040425]; эти сирены также изображены идущими вправо, но, в отличие от сирен на фиале в Британском музее, они не смотрят вперед, а оглядываются, маленьких птиц у ног сирен нет.

Второй фрагмент (ил. 7а) происходит из суглинистых слоев первых веков нашей эры раскопа XXVI [Петракова, Букина, 2021, кат. 53.1]. Пальметты, как на фрагменте из Тиритаки, украшают фиалу из раскопок в Камиросе (ил. 7б), хранящуюся в Британском музее [Hofstetter, 1990, Taf. 10, Kat. A 144; BAPD 28968]. На ней изображены шесть похожих крупных пальметт – они сгруппированы по три, при этом каждая группа занимает чуть больше четверти пространства. В каждой группе боковые пальметты ориентированы к омфалу, а центральная – к наружной кромке фиалы. Также похожие пальметты представлены на фиале (ил. 7в) в Археологическом музее в Элевсине [Φριτζίλας, 2006, σ. 95, кат. 175, εικ. 26, πίν. 46, 175; BAPD 9040423] и фиале из раскопок Камироса (ил. 7г), хранящейся на Родосе [Φριτζίλας, 2006, σ. 96, кат. 176, πίν. 46, 176; 47, 176; BAPD 9040425]. В отличие от фиалы в Британском му-

зее, на этих изображено по две пальметты. Все пальметты ориентированы к омфалу, а из основания пальметты выходит крупный спиралевидный завиток, который располагается справа от пальметты, визуальнo уравнивая композицию.

Аналогии к обоим фрагментам из Тиритаки Фритцилас предлагает датировать 505 – 500 гг. до н.э. и отнести к Фазе II работы Мастера Тезея (The Theseus Painter) [Φριτζίλας 2006, σ. 288] – вазописца, получившего условное имя из-за пристрастия к изображению в вазовых росписях подвигов Тезея. Ему атрибутируют лекифы и скифосы (всего более двухсот ваз), расписанные в чернофигурной технике, нередко – по белой облицовке. Мастер Тезея принадлежит к поколению поздних чернофигурных вазописцев, расписывавших свои изделия в старой технике, когда гораздо большим спросом стали пользоваться вазы, декорированные при помощи новой – краснофигурной – техники. В то время как многие его современники зачастую выполняли росписи довольно небрежно, без гравировок и дополнительных цветов, работы Мастера Тезея отличают качественные росписи с многочисленными гравировками, а также деталями, выполненными при помощи красной и белой краски. В целом время его работы определяют между 510/505 и 485/480 гг. до н.э., при этом скифосы и фиалы связывают с начальным этапом его карьеры, а лекифы – с поздним творчеством [Haspels, 1936, p. 141–165, 249–254; Ure 1955; Beazley, 1956, p. 518–521; Borgers, 2004; Φριτζίλας, 2006].

Фиалы-мезомфалы стали атрибутировать Мастеру Тезея лишь в недавних публикациях, причем называя их одними из лучших примеров вазописи в технике Сикса; их считают современными по времени изготовления скифосам Мастера Тезея [Φριτζίλας, 2006, σ. 282–282]. Кроме того, Афина Цингарида в специализированной публикации об аттических фиалах, украшенных именно в технике Сикса [Tsingarida, 2008], предложила связать ряд из них с работами описанной в начале этой статьи мастерской Никосфена. В частности, упомянутая фиала из Элевсина [Φριτζίλας, 2006, σ. 95, кат. 175, εικ. 26, πίν. 46, 175; BAPD 9040423] определяется ею как работа мастерской Никосфена [Tsingarida, 2008, p. 109]. В такой атрибуции нет противоречия, поскольку и Дж. Бордман [Boardman, 1974, p. 108], и В. Тосто [Tosto, 1990, p. 138, 160–161], один из главных специалистов по творчеству Никосфена, отмечали наличие связи между работами мастерской Никосфена и группой Крокотос [The Krokotos Group; см. о ней: Beazley, 1956, p. 205–207; Ure 1955 Borgers, 2004, p. 4–5] – одной из групп скифосов, связанных с Мастером Тезея и получившей название из-за использования вазописцами этой группы шафранно-желтой краски (krokotos) для передачи хитонов у некоторых персонажей; эти вазописцы расписывали преимущественно скифосы и «чаши с глазами», их работы датируют последней третью VI в. до н.э. [Beazley, 1956, p. 205–207; Ure 1955; Borgers, 2004, p. 4–5]. По идее Цингарида, фиалы могли быть изготовлены в мастерской Никосфена и расписаны вазописцами, которые сотрудничали с ним, то есть, как и рассмотренные выше киаф и пиксиды, эти изделия из раскопок Тиритаки могут быть ассоциированы с гончарной мастерской, отличавшейся интересом к разнообразным экспериментам с формами ваз. Большинство

ученых говорит о восточном влиянии (ионийском, хиосском, милетском, самосском) на появление аттических фиал, украшенных в технике Сикса, Цингариды при этом отмечает: «общеизвестно, что Никосфен обращался к Востоку в поисках новизны ... атрибуция фиал в технике Сикса его мастерской показывает, что он не только имитировал восточногреческую продукцию, чтобы порадовать этрусков, но также создавал полихромную продукцию, вдохновленную восточными мотивами, техниками и формами, желая сбывать ее на греческих, в частности – аттических, рынках» [Tsingarida, 2008, p. 109–110].

Известные экземпляры аттических фиал, украшенных в технике Сикса, происходят, главным образом, из Аттики (Афины, Элевсин), греческих поселений Эгейского бассейна (Коринф, Беотия, Делос, Родос, Кирена) и из Этрурии; одна фиала найдена на севере Греции (Полиирос) [Tsingarida, 2008, p. 109]; довольно много находок происходит из раскопок акрополя в Афинах [Moore, Philippides, 1986, p. 56–57], а одна фиала найдена в колодце при раскопках позднеархаического дома, причем в публикации обсуждается фиала в контексте симпозиа [Lynch, 2011a, p. 144, cat. 23]. Находка таких изделий на территории Тиритаки позволяет дополнить информацию об импорте аттических фиал (а также аттических керамических ваз, украшенных в технике Сикса).

Кроме редких вазовых форм, вроде фиал или киафов, в Тиритаке также представлены редкие модификации форм распространенных. Из раскопок 2008 года в помещении IV на территории большого сырцово-каменного дома в центральной части раскопа XXVI [Петракова, Букина, 2021, кат. 4.8] происходит фрагмент килика (ил. 8а), который представляет собой нижнюю часть тулова, по-видимому, в районе середины стороны. На фрагменте представлена амазомахия Геракла – сохранилась нижняя часть фигуры героя, подпоясанного львиной шкурой, ноги двух амазонок в поножах; ниже расположен поясок из цепи чередующихся бутонов и цветков лотоса. Этот фрагмент, вне всяких сомнений, следует определить как часть «чаши с ручками-вилочками» (The Merrythought Cup) – крайне редкой разновидности, которая получила название благодаря ручкам необычной формы, унаследованным, по-видимому, от металлического прототипа [см. о них: Ramage 1983, p. 453; Schreiber 1999, p. 160–163]. Это чаши типа прото-А (Type proto-A) с глубоким туловом; ручки у них похожи на то, что получило название «дужки» или «вилочки», т.е. особой формы косточки между грудиной и позвоночником у курицы. Английское название этой косточки – «merrythought», поскольку ее использовали в гадании: кому достанется часть с верхом при разламывании, тот скорее будет думать о свадьбе; в англоязычной литературе фигурирует еще одно название «The Wishbone Cup», от «wishbone», «косточка желаний». В месте срастания ключичных косточек у курицы имеется дискообразный элемент: на некоторых чашах он выглядит очень похожим на природный прототип; также есть чаши, где этот дискообразный элемент выражен очень ярко, что привело к появлению своего названия такой формы в немецком языке – Knopfhenkelschale, т.е. чаша с кнопками/пуговицами на ручках (ил. 8 г). Эта разновидность чаш крайне

необычна для аттической (и даже в целом греческой) керамики; известно лишь несколько десятков экземпляров [см. список из 44 чаш и фрагментов точно и «предположительно» такой формы – Ramage, 1983, p. 454]; временем их изготовления считают 560 – 540 гг. до н. э. [Ramage, 1983, p. 453].

Именно для «чаш с ручками-вилочками» характерен орнамент в нижней части тулова в виде цепи бутонов – его можно видеть, например, на чаше в Бостоне [CVA Boston, Museum of Fine Arts, fasc. 2, pl. 88, 1–5; BAPD 302569] (ил. 8в) и особенно – на чаше в Берлине [ABV, p. 79; Schefold, 1992, fig. 323; LIMC ID 33784; BAPD 258] (ил. 8б). На чаше в Берлине орнамент может быть назван идентичным тому, который сохранился на фрагменте из Тиритаки, а фигуры расположены вплотную и перекрывая друг друга, то есть по такому же принципу, как на чаше в Берлине. Трактовка одежд, кнемид, щитов при помощи дополнительных цветов и гравировок, в частности – ряды белых точек, на фрагменте из Тиритаки сопоставима с трактовкой таких же элементов на чаше из раскопок Сард (ил. 8г). Нэнси Рамадж предложила назвать вазописца Мастер чаш с ручками-вилочками из Сард, охарактеризовала его как близкого Мастеру Бостонского Полифема, который работал в 550 – 525 гг. до н. э. и который расписал упомянутую выше чашу в Бостоне.

«Чашы с ручками-вилочками» известны из раскопок в Сардах, на Родосе, на территории Италии, в Фивах, Коринфе, Афинах [Ramage, 1983, p. 454]. Теперь мы можем добавить к статистике распространения таких чаш и фрагмент из Тиритаки. В заполнении помещения помимо этого фрагмента были найдены обломки транспортных амфор, а также ионийская, коринфская и аттическая керамика VI – первой половины V в. до н. э. [см. характеристику с библиографией – Петракова, Букина, 2021, с. 49], в том числе – фрагмент чаши Сиана конца второй четверти VI в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 4.9] и фрагменты мелкофигурных чаш третьей четверти VI в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 4.10, 4.12–14], то есть предметы того же времени, что и «чаша с ручками-вилочками».

Из находок, сделанных в 2008 году в заполнении водостока в юго-западной части раскопа XXVI вблизи строительного комплекса XXXVII, происходят фрагменты еще одной редкой чаши [Петракова, Букина, 2021, кат. 24.6]. Это три обломка тулова с ручками и часть дна с сохранившимся фрагментом очень короткой ножки на уплощенном кольцевидном основании (ил. 9а). На двух фрагментах тулова сохранилась роспись в виде крупных тонких спиралевидных завитков, закрученных в сторону ручки. По степени деликатности декора, изящно размещенного на фоне, оставленном в цвете глины, фрагменты из Тиритаки можно сравнить с чашами группы пальметт из Камироса (The Group of Camiros Palmettes) (ил. 9г), датированными последней третью VI в. до н. э. и хранящимися в Риме [CVA Roma, Musei Capitolini, fasc. 1, tav. 42,4; ABV, p. 215 no 4; Para, p. 104; BAPD 302747], в Париже [ABV, p. 215 no 2; BAPD 302745], в Киле [CVA Kiel, Kunsthalle, Antikensammlung, fasc. 1, Taf. 25, 7–8; 26, 3–4; BAPD 30677]. Группа пальметт из Камироса – малочисленная из аттических «чаш на низкой ножке» (The Stemless Cup); они украшены свободно распо-

ложенным по поверхности узором из пальметт и спиралевидных завитков, по словам Дж. Бизли, «все они выполнены в одном стиле» [ABV, p. 215; Borgers, 2004, p. 58; Schauenburg, 1988, p. 152, 155]. Однако гораздо больше по форме и росписи фрагменты из Тиритаки похожи на чаши, которые атрибутированы Мастеру Никосии С 975 (The Painter of Nicosia C 975), получившему имя по вазе с таким номером в Никосии [Beazley, 1971, p. 99]. Этому вазописцу атрибутированы чаши особой формы, с ножкой, как у Типа С (Type C), с широкой полосой по краю, с одной фигурой на каждой стороне снаружи и особым орнаментом в виде крупных спиралей у каждой ручки; под изображением все пространство оставлено в цвете глины, ножка тоже; как отметил Бизли – по такому же принципу, как на чашах Мастера Амазиса (The Amasis Painter): можно вспомнить атрибутированные ему чаши с изящными спиральями у ручек в Малибу [BAPD 28112] и в ватиканских музеях [BAPD 310516]. Фрагменты из Тиритаки следует сравнить с атрибутированными Мастеру Никосии С 975 чашей в Никосии [Para, p. 99; Add2, p. 56; BAPD 340241] (ил. 9д) и с чашей, некогда выставленной на аукционе в Базеле, фотографии которой сохранились в Архиве Бизли [Para, p. 99; BAPD 340240]. Обе эти чаши украшены крупными спиралевидными завитками у ручек, только они загнуты не к ручке, как на чаше из Тиритаки, а в противоположную от нее сторону. На чаше, некогда выставленной на аукционе в Базеле, по центру обеих сторон изображен сидящий на дифросе Дионис с канфаром в руке, а на чаше в Никосии – менада, едущая на быке; в обоих случаях вокруг центральных персонажей размещены виноградные лозы с гроздьями. Возможно, композиции из одной или двух фигур также украшали центр сторон чаши из Тиритаки. Еще более близкими аналогиями к чаше из Тиритаки, чем названные, представляются фрагменты из раскопок агоры в Афинах [Moore, Philippides, 1986, pl. 117, cat. 1825; Para, p. 100; Borgers, 2004, fig. 70, pl. 41b; BAPD 340242] (ил. 9в), атрибутированные Мастеру Никосии С 975 – Дж. Бизли, а Олафом Борджерсом – упоминавшемуся выше Мастеру Тезея, а также чаша в Музее агоры в Афинах (ил. 9б), которая названа «мелкой чашей-скифосом особой формы» и атрибутирована Мастеру Тезея и Бизли, и Борджерсом [ABV, p. 520 no 31; Borgers, 2004, fig. 69, pl. 41a; Φριτζιλας, 2006, εκ. 37–38, πίν. 52, 196; BAPD 330713]. Последняя украшена изображением одной фигуры на каждой стороне, на фрагментах же сохранилась всего лишь часть одной фигуры; виноградных лоз нет. Все приведенные аналогии относятся к редкому и малочисленному типу аттических чернофигурных чаш; из них наиболее близкими к фрагментам из Тиритаки являются изделия, связанные с Мастером Никосии С 975 и Мастером Тезея. В заполнении водостока, помимо описанного фрагмента, также были найдены обломки аттических чернофигурных чаш третьей четверти VI в. до н.э. [Петракова, Букина, 2021, кат.24.1-5] и скифоса первой четверти V в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат.24.7], что прекрасно согласуется с датировкой аналогий к рассмотренному фрагменту.

В отличие от рассмотренных в начале этой статьи киафов или фиал, кратеры – форма в аттической вазописи весьма распространенная, особенно в находках в жи-

лом контексте [Moore, Philippides, 1986, p. 23-27; Lynch, 2011a, p. 130-131], поскольку они использовались для смешения вина с водой [Lissarague, 1990; Luke, 1994]. Слово «кратѣр», применительно к сосуду для смешивания вина с водой, фигурирует в греческих текстах неоднократно, начиная с «Одиссеи»: «Эти – вино наливали в кратеры, мешая с водою» [Гомер. Одиссея. Песнь I,110; пер. В. Вересаева]. Классификация кратеров по форме вместилища и ручек («кратер с колонками», «чашевидный кратер», «колоколовидный кратер», «кратер с волотами») относится к Новому времени [см. Richter, Milne, 1935, p. 6 – 8 с библиографией]. Если говорить именно о чернофигурных кратерах, преобладающей формой является «кратер с колонками» [Sparkes, Talcott, 1970, p. 54; Moore, Philippides, 1986, p. 23-25; Schreiber, 1999, p. 129 – 135], у которого ручки похожи на маленькие колонны; именно эта форма наиболее часто встречается и в раскопках Пантикапея [Сидорова, 1984, с. 71], и в раскопках Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, с. 6]. Однако фрагмент (ил. 10а), происходящий из находок в хозяйственной яме № 20 в кв.5 раскопа XXVII [Петракова, Букина, 2021, кат. 31.1], следует определить как часть «чашевидного кратера» («*calyx krater*», где под «*calyx*» понимается чашечка цветка, на которую похоже тулово кратера) – редкой формы в чернофигурной аттической вазописи, но широко распространенной в краснофигурной [см. о них: Sparkes, Talcott, 1970, p. 54; Moore, Philippides, 1986, p. 26–27; Frank, 1990; Schreiber, 1999, p. 138–140]. Фрагмент из Тиритаки имеет значительную толщину, малый изгиб и высокое качество лакового покрытия на внутренней стороне; он принадлежал крупной толстостенной вазе большого диаметра, расширяющейся сверху. Снаружи сохранилось изображение покрытого белой краской лба, что указывает на женский пол представленного персонажа, и венка из листьев плюща, надетого очень низко. Этот фрагмент мог принадлежать чашевидному кратеру, украшенному изображением дионисийского шествия, как, например, кратеры в собрании Лувра [Beazley, 1956, p. 281 no 19; CVA Paris, Louvre fasc. 2, pl. 7,3-4; BAPD 320239] (ил. 10б), в Брюсселе [Beazley, 1956 p. 281 no 17; CVA Brussels fasc. 2, pl. 17,2a-d; BAPD 320237] (ил. 10г), в Сиракузах [Beazley, 1956, p. 281 no 18; Zisa, 2007, cat. 12; BAPD 320238] (ил. 10в). Их росписи сопоставлены с работами Мастера Антимена (The Antimenes Painter) [см. о нем: Beazley, 1956, p. 266–291; Burgow, 1989], который получил условное имя по надписи «Антимен прекрасен» на атрибутированной ему гидрии в Лейдене [BAPD 320011]. Производство чашевидных кратеров в Афинах было начато, очевидно, около 520 г. до н. э. [Moore, Philippides, 1986, p. 27]; работы Мастера Антимена и его круга датируют последней третью VI в. до н.э.; яма же, откуда происходит фрагмент из Тиритаки, содержала также фрагменты аттической керамики конца VI – начала V в. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, кат. 31.2–3]. Чернофигурные чашевидные кратеры редко находят в Северном Причерноморье, хотя форма известна, например в Пантикапее [Сидорова, 1992, с. 205].

Из находок 2004 года в суглинистых слоях первых веков нашей эры на раскопе XXVI происходит фрагмент диноса [Петракова, Букина, 2021, кат. 59.1] (ил.11а) – формы того же назначения, что и кратер, но гораздо более редкой [Richter,

Milne, 1935, p. 9–10; Moore, Philippides, 1986, p. 33–35; Schreiber, 1999, p. 98–105; Alexandridou, 2012, p. 10–11]. Речь идет, по сути, о вазе-котле со скругленной нижней частью, а потому требующей подставки. Термин «динос» (δῖνος) используется применительно к этой форме наряду с термином «лебес» (λέβης), особенно когда речь идет о чернофигурных аттических вазах, хотя в античных текстах слово «динос» указывает, скорее, на то, что подразумевается чаша, а вот «лебес» как раз упоминается вместе с подставкой-треножником и в нужном контексте [см. с библиографией Richter, Milne, 1935, p. 9–10]. Тем не менее, термин «динос» закрепился в научных трудах, даже в условном имени одного из вазописцев – Мастера Диноса (The Dinos Painter), расписывавшего краснофигурные аттические вазы во второй половине V в. до н.э. [Beazley, 1963–68, p. 1151–1155]. Судя по форме профиля и сохранившимся частям росписи, фрагмент из Тиритаки принадлежал диносу высотой около 30 см с чернофигурной росписью в три или больше фриз. Такие сосуды помещали не только на бронзовые треножки, но и на керамические же профилированные подставки, которые тоже расписывали в несколько фриз (ил. 11б) – фрагмент, найденный на Березани, по определению В. М. Скудновой, принадлежал такой подставке диноса [Smith, 2010, cat. 199]. Диносы с многофривовой чернофигурной росписью датируют в пределах первой половины VI в. до н. э.; начиная с 560 годов до н.э. фриз с фигурами помещали в основном на плечиках, а нижнюю часть покрывали черным лаком [см. Moore, Philippides, 1986, p. 33–34]. Изображение на фрагменте из Тиритаки напоминает изделия, выполненные Софилосом и его подражателями. Форма диноса не была распространена в афинском керамическом производстве, однако в продукции Софилоса и мастеров его круга диносов больше, чем у любого другого аттического вазописца. Подобные диносы в большинстве известны из раскопок на западе Малой Азии, в Киренаике и Навкратисе [Alexandridou, 2012, p. 10]. В Северном Причерноморье фрагменты, предположительно, диносов и их подставок известны на Березани [Smith, 2010, cat. 137–143], в Фанагории [Morgan, 2004, cat. 395] и Пантикапее [Сидорова, 1984, с. 173; Самар, 2017, кат. 4, кат. 11].

И, наконец, несколько фрагментов из раскопок Тиритаки могут быть определены как, вероятно, мастоиды (ил. 12а) – глубокие чаши для вина с плоским дном и небольшим венчиком, четко отделенным от тулова, с ручками (ил. 12в) и без (ил. 12б). Эта форма является производной от мастоса [см. Richter, Milne, 1935, p. 30] – чаши, по форме напоминающей женскую грудь (μαστός), но, в отличие от мастосов, которые действительно воспроизводят по форме грудь с соском (ил. 12г), то есть не имеют ножки, на которой могли бы стоять, мастоиды больше напоминают скифос, имея плоское основание. Появление формы мастоида относят к концу VI в. до н. э., она продолжала существовать в первой четверти V в. до н. э. [Richter, Milne, 1935, p. 30; Moore, Philippides, 1986, p. 98; Schreiber, 1999, p. 195] – именно к первой четверти V в. до н.э. относятся фрагменты из Тиритаки. Два из них [Петракова, Букина, 2021, кат. 41.11, 54.2] можно связать с группой Хаймона (The Haimon Group), которой атрибутировано большинство известных мастоидов, два [Петракова, Букина,

2021, кат. 41.8, 45.2], возможно, с Безлистной группой (The Leafless Group), с которой также связано несколько ваз подобных форм [Moore, Philipides, 1986, p. 57]. В Северном Причерноморье чернофигурные аттические мастоиды известны, например, в раскопках Ольвии [Скудна, 1988, кат. 122.9].

Подводя итоги, следует признать, что если раскопки Тиритаки, имевшие место в XIX и XX веках [Марти, 1941; Книпович, Славин, 1941; Шмидт, 1952], дали довольно стандартный набор аттической черно- и краснофигурной керамики с явным преобладанием киликов и скифосов, то раскопки 2002 – 2019 гг. значительно обогатили наши представления о вывозе аттических ваз, часто встречающихся и редких форм, в Северное Причерноморье. Помимо множества фрагментов широко распространенных форм аттических чернофигурных ваз, таких, как килики, чаши-скифосы, скифосы (что изменило мнение о количественном составе этих видов сосудов в Тиритаке), было выявлено несколько десятков кратеров и лекан, а также ольпы, ойнохои, лекифы, амфоры, гидрии, представляющие работы разных аттических мастерских. Помимо этого, в материалах Тиритаки также выявлены вазы редких форм, в том числе таких, которые к настоящему моменту известны во всем мире в количестве от нескольких десятков до нескольких сотен (в отличие от тысяч киликов, амфор, кратеров). Особенности формы редких ваз и характер выявленных в Тиритаке фрагментов позволяют не сомневаться в их принадлежности именно к названным вазовым формам, а виртуальные реконструкции дают возможность представить внешний вид этих изделий на момент их появления в Тиритаке. Некоторые из этих форм были ранее известны в раскопках центров Северного Причерноморья, некоторые же зафиксированы впервые, что позволяет изменить представление о вывозе из Аттики в этот регион подобной исключительной продукции гончарных мастерских.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Буйских А. В. Амфоры и столовая посуда // Зинько В. Н. Тиритака: Раскоп XXVI. Том II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. / При участии Буйских А. В., Глушек И., Каспарова А. К., Котина М. А., Русяевой А. С., Шевченко Т. Н. Симферополь-Керчь, 2014. С. 318–445.
- Зинько В. Н. Тиритака: Раскоп XXVI. Том II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. / При участии Буйских А. В., Глушек И., Каспарова А. К., Котина М. А., Русяевой А. С., Шевченко Т. Н. Симферополь-Керчь, 2014. (Боспорские исследования. Supplementum ; [Т.] 11).
- Марти Ю. Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. // МИА Вып. 4: Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Ред. Жебелев С. А., Гайдукевич В. Ф. М., Л. 1941. С. 4–36.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Институт истории материальной культуры АН СССР, Институт археологии АН СССР. М., Л., 1940 (1941)–1972 (1973).
- Книпович Т. Н., Славин Л. М. Раскопки юго-западной части Тиритаки. // МИА Вып. 4: Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Ред. Жебелев С. А., Гайдукевич В. Ф. М., Л. 1941. С. 37–60.
- Петракова А.Е. Аттическая белофонная керамика в городах Северного Причерноморья: к вопросу о торговых контактах // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб, 2011. С. 21–26.

- Петракова А. Е.* Чернофигурные аттические чаши из раскопок на острове Березань в собрании Эрмитажа: к вопросу о торговых контактах // ТГЭ [Т.] 88 : Перипл: от Борисфена до Боспора : Материалы юбилейных конференций. СПб., 2017. С. 49–64.
- Петракова А.Е., Букина А.Г.* Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. Керчь-Симферополь, 2021.
- Самар О. Ю.* Аттическая расписная керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1945–2017 гг. // Древнейший Пантикапей. От апойкии к городу / Авт.-сост. Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. М., 2017. С. 165–198.
- СГМИИ* – Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М., 1960–.
- Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея (раскопки 1959–1969) // СГМИИ Вып. 7. С. 71–110.
- Сидорова Н. А.* Чернофигурная керамика из раскопок Пантикапея, раскопки 1969–1984 гг. // СГМИИ Вып. 10 (1992). С. 204–233.
- Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии: публикация одной коллекции / Ред. Борисковская С. П. Л., 1988.
- ТГЭ* – Труды Государственного Эрмитажа. Л. –СПб., 1956.
- Шmidt P. В.* Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА Вып. 25: Боспорские города. Ч. 1 : Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М.–Л., 1952. С. 236–239.
- Αβρονιδάκη Χρ., Σαμπετάι Β.* Λευκά Πουλιά της Βοιωτίας Ηχάδιν Τιμητικός τόμος για τη Στέλλα Δρούγου Επιμέλεια Γιαννοπούλου Μ., Καλλίνη Χρ. Αθήνα, 2016. Σ. 6–50.
- Τιβέριος Μ. Α.* Ο Λυδός και το έργο του. Συμβολή στην έρευνα της αττικής μελανόμορφης αγγειογραφίας. Αθήνα, 1976. (Дημοσιεύματα του Αρχαιολογικού δελτίου ; αρ. 23).
- Φριτζίλας Σ.* Ο ζωγράφος του Θησέα : Η αττική αγγειογραφία στην εποχή της νεοσύστατης αθηναϊκής δημοκρατίας. Αθήνα, 2006. (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας; αρ. 245).
- AJA* – The American Journal of Archaeology. Boston (MA), Archaeological Institute of America, 1885–1896 (The American Journal of Archaeology and of the History of the Fine Arts), 1897.
- Alexandridou A.–F.* Early sixth-century directional trade: The evidence of Attic early black-figured pottery: The contexts of painted pottery in the ancient Mediterranean world (seventh-fourth centuries BCE) / Ed. by Paléothodoros D. Oxford (UK), 2012. (BAR international series; [vol.] 2364). P. 5–20.
- Algrain I.* L'Alabastre attique: Origine, forme et usages. Bruxelles, [Paris], 2014. (Études d'archéologie. Vol. 7).
- BAPD* – Beazley Archive Pottery Database, <https://www.beazley.ox.ac.uk/carc/pottery>
- Beazley J. D.* Attic black-figure vase-painters. Oxford (UK), 1956.
- Beazley J. D.* Attic red-figure vase-painters / 2nd ed. Oxford, 1963–1968.
- Beazley J. D.* Paralipomena: Additions to Attic black-figure vase-painters and to Attic red-figure vase-painters. Oxford (UK), 1971.
- Boardman J.* Athenian black-figure vases: A handbook. London (UK), c1974.
- Borgers O.* The Theseus Painter: Style, shapes and iconography. Amsterdam, 2004. (Allard Pierson series Studies in ancient civilization; Vol. 16).
- Burow J.* Der Antimenesmaler. Mainz am Rhein, 1989. (Forschungen zur antiken Keramik: Kerameus ; Bd. 7).
- Canaciani F., Neumann G.* Lydos, Der Sklave? // Antike Kunst, Bd. 21 (1978). S. 17–22
- Cardon C.* Two omphalos phialai // JPGMJ Vol. 6/7 (1978/1979). P. 131–138.
- Carpenter T. H., Mannack Th., Mendonça M.* Beazley Addenda 2nd ed. Oxford (UK), 1989.
- Cohen B.* Six's technique black ground // The Colors of Clay: Special Techniques in Athenian Vases. Los Angeles, 2006. P. 72–104.
- Drougou S.* Der attische Psykter. (Beiträge zur Archäologie, 9). Würzburg: Konrad Triltsch, 1975.
- Eisman M. M.* New attributions of Attic kyathoi // AJA Vol. 77 (1973). P. 71–73.
- Eisman M. M.* Attic kyathos production // Archaeology Vol. 28 (1975). P. 76–82.
- Eisman M. M.* Attic kyathos painters: Thesis / University of Michigan. Ann Arbor (MI), c 1971.
- Eisman M.* The Nikosthenic workshop as the producer of Attic kyathoi: Summary of the paper: Seventy-first

- General meeting of the Archaeological Institute of America // *AJA* Vol. 74 (1970). P. 193.
- Frank S.* Attische Kelchkratere: Eine Untersuchung zum Zusammenspiel von Gefassform und Bemalung. Frankfurt a. M., 1990. (Europäische Hochschulschriften: Archäologie; Bd. 24).
- Gaifman M.* The Greek libation bowl as embodied object // *The embodied object in Classical art = Art History* Vol. 41, no 3 [2018]. P. 444–465.
- Grossman J. B.* Six's technique at the Getty // *Greek vases in The J. Paul Getty Museum*. Vol. 5. Malibu (CA), 1991. P. 13–26.
- Haspels C. H. E.* Attic black-figure lekythoi. Paris, 1936.
- Haspels C. H. E.* A lekythos in Six's technique // *Muse* Vol. 3 (1969). P. 24–28.
- Heinrich, F.*, Das Epinetron, Aspekte der weiblichen Lebenswelt im Spiegel eines Arbeitsgerats (Rahden, 2006).
- Hofstetter E.* Sirenen im archaischen und klassischen Griechenland. Würzburg, 1990.
- JHS* – The Journal of Hellenic Studies. Oxford (UK), 1880–.
- JPGMJ* – The J. Paul Getty Museum Journal. Malibu (CA), The J. Paul Getty Trust, 1975–1996.
- LIMC* – Lexicon iconographicum mythologiae classicae / La Fondation pour le Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae; Comité de rédaction Boardman J. et al. Zürich, München, 1981–2009.
- LIMC ID* – Digital LIMC database. Universität Basel, LIMC Basel and DHLab. <https://weblimc.org>
- Lissarrague F.* Around the krater: An aspect of banquet imagery // *Sympotica: A symposium on the symposion* / Ed. by Murray O. Oxford (UK), New York (NY), 1990. P. 196–209.
- Luke J.* The krater, “kratos”, and the polis // *Greece and Rome* vol. 41 (1994). P. 23–32.
- Luschey H.* Die Phiale. Bleicherode am Harz, 1939.
- Lynch K.* The symposium in context Pottery from a Late Archaic house near the Athenian Agora. Princeton (NJ), 2011a. (Hesperia. Supplement; [vol.] 46).
- Lynch K.* Depositional patterns and behavior in the Athenian Agora: When disaster strikes // *Pottery in the archaeological record: Greece and beyond: Acts of the international colloquium* / Ed. by Lawall M. L., Lund J. Aarhus, 2011b. (Gösta Enbom monographs; vol. 1). P. 58–74.
- Lyons C. L.* Nikosthenic pyxides between Etruria and Greece // *Athenian Potters and Painters II*. Oxford: Oxbow Books, 2009. P. 166–180.
- Malagardis N.* Skyphoi attiques a figures noires: Typologie et recherches: Ateliers et peintres. Athènes, 2017. (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας; αρ. 313).
- Madina Tonglet D.* Le kyathos attique de Madame Teithurnai: Échanges artisanaux et interactions culturelles entre Grecs et Étrusques en Méditerranée archaïque. Études d'Archéologie 13. 2 vols. Centre de Recherches en Archéologie et Patrimoine, Brussels 2018.
- Moore M. B., Lowenstam, S., Kenrick, P. M., Fuller, T., White, D.* The extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya: Final reports. Philadelphia, 1987.
- Moore M. B., Philippides M. Z. P.* The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 23: Attic black-figured pottery / With coll. of D. von Bothmer. Princeton (NJ), 1986.
- Morgan C.* Attic fine pottery of the Archaic to Hellenistic periods in Phanagoria / Ed. by Tsetskhladze G. R. Leiden, Boston, 2004.
- Ramage N.* A Merrythought Cup from Sardis // *AJA* Vol. 87 (1983). P. 453–460.
- Richter G., Milne M.* Shapes and names of Athenian vases. New York (NY), 1935.
- Roberts S.* The Attic pyxis. Chicago (IL), 1978.
- Schreiber T.* Athenian vase construction: A potter's analysis. Malibu (CA), 1999.
- Smith T. J.* Athenian black-figure pottery from Berezan, in Борисфен – Березань: Археологическая коллекция Государственного Эрмитажа, vol. 2 (ТГЭ, vol. 54). Санкт-Петербург, 2010. С. 171–290.
- Sparkes B. A., Talcott L.* The Athenian Agora: Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 12: Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. Princeton (NJ), 1970.
- Six J.* A rare vase-technique // *JHS* Vol. 30 (1888). P. 323–326.

- The Colors of Clay: Special techniques in Athenian vases: Exhibition catalogue* / Ed. By Cohen B.; The J. Paul Getty Museum. Los Angeles (CA), 2006.
- Tosto V.* The black-figure pottery signed ΝΙΚΟΣΘΕΝΕΣ ΕΠΟΙΕΣΕΝ. Amsterdam, 1999.
- Trofimova A.* (ed.) Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage, Los-Angeles, 2007.
- Tsingarida A.* À la santé des dieux et des hommes: la phiale, un vase à boire au banquet athénien? // *Mètis* № 7 (2009). P. 91–109.
- Tsingarida A.* Nikosthenes looking east? Phialai in Six's and polychrome Six's technique // *Essays in Classical archaeology for Eleni Hatzivassiliou 1977–2007* Ed by Kurtz D. Oxford (UK), 2008. P. 105–114. (Studies in Classical Archaeology; vol. IV).
- Tsingarida A.* The Attic phiale in context: The Late Archaic red-figure and coral-red workshops // *Athenian potters and painters III*, Oxford. 2014. P. 265–272.
- Ure A. D.* Krokotos and White Heron // *JHS* Vol. 75 (1955). P. 90–103.
- Wojcik M. R.* Museo Claudio Faina di Orvieto: Ceramica attica a figure nere. Perugia, 1989. (Catalogo regionale dei beni culturali dell'Umbria).
- Zisa F.* Ceramica ateniese a figure nere dal Museo Archeologico «P.Orsi» di Siracusa (Allemandi & Co.). Torino, 2007.

Резюме

Статья посвящена атрибуции фрагментов аттических чернофигурных ваз редких форм, происходящих из раскопок античного городища Тиритака (на территории современного города Керчь), проводившихся в 2002–2019 гг. Среди них был выявлен фрагмент киафа редкой разновидности с декором в виде пояса плюща по краю и с изображением единоборства Пелея и Фетиды на тулове; киаф может быть сопоставлен с киафом Лидоса-раба. Также были выявлены фрагменты четырех пиксид, в том числе – никосфеновского типа. Две сильно фрагментированные фиалы, расписанные в редкой технике Сикса, могут быть атрибутированы Мастеру Тезея. Пиксиды никосфеновского типа и фиалы-мезомфалы в технике Сикса ранее не выявляли в материалах раскопок Северного Причерноморья. Один фрагмент, несомненно, является частью так называемой «чашы с ручками-вилочками» – редкой разновидности аттической чернофигурной чаши для питья. Также в статье идет речь о фрагментах чаши на низкой ножке, напоминающей работы Мастера Никоси С 975, Мастера Тезея и группы пальметт из Камироса, о фрагментах чернофигурного диноса и редкого для чернофигурной техники чашевидного кратера, о фрагментах, которые могут быть частями мастоидов.

Ключевые слова: раскопки Тиритаки в 2002–2019 гг., чернофигурная аттическая керамика, аттическая керамика из Северного Причерноморья, киаф Лидоса-раба, чернофигурные аттические пиксиды, никосфеновские пиксиды, аттические фиалы, техника Сикса, «чаша с ручками-вилочками», аттический динос, аттический чернофигурный чашевидный кратер, аттические чернофигурные мастоиды.

Summary

The article deals with the problems of reconstruction and attribution of the fragments of the Athenian black-figure vases, excavated in ancient settlement Tyritake (in modern Kerch) in 2002–2019. Among the fragments there is a part of kyathos with a rare kind of painting with ivy-wreath along the ridge and Peleus fighting Thetis on the body; the kyathos can be compared with the kyathos by Lydos the Slave. Fragments of four pyxides of different kinds are studied, among them two fragments of the Nicosthenic pyxided. Two fragments belong to phialae decorated in

the Six's technique and attributed to the Theseus Painter. One cup fragment definitely belongs to a Merrythought cup, a rare kind of Athenian drinking-cups. Fragments of a stemless cup can be connected with the items, attributed to the Painter of Nicosia C 975, The Theseus Painter and The Group of Camiros Palmettes. There is a fragment of black-figure dinos and a fragment of a black-figure calyx-krater. Some fragments could be defined like parts of mastoids.

Key words: excavations of Tyritake in 2002–2019, Athenian black-figure, Attic pottery from the Northern Black Sea area, kyathos by Lydos the Slave, black-figure Athenian pyxides, Nicosthenic pyxis, Athenian phialae, the Six's technique, the Theseus Painter, the Merrythought cup, Athenian dinos, Athenian black-figure calyx-krater, Athenian black-figure mastoid.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петракова Анна Евгеньевна,
доктор искусствоведения, доцент,
старший научный сотрудник,
Государственный Эрмитаж,
Отдел античного мира,
+7 (921) 307-68-74.
petrakova.anna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrakova Anna,
Dr. Hab., associated professor,
Senior scientist,
The State Hermitage Museum,
The Department
of Ancient Greece and Rome,
+7 (921) 307-68-74.
petrakova.anna@gmail.com

Рис. 1: а – киаф из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – подписной киаф Лидосараба в собрании Виллы Джулия, воспроизводится по публикации: Sapasiani, Neumann, 1978; в – фотография фрагмента киафа из Тиритаки; г – киаф с изображением единоборства Пелея и Фетиды в Бохуме, воспроизводится по публикации: CVA Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität, fasc. 1, Taf. 45,1–3.

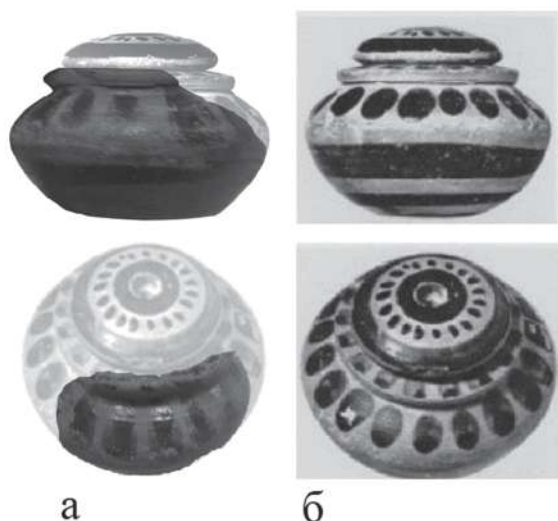

Рис. 2: а – пиксида из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – пиксида в Тюбингене, воспроизводится по публикации: CVA Tübingen, Antikensammlung des Archäologischen Instituts der Universität, fasc. 3, Taf. 52, 6–7.

Рис. 3: а – пиксида из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – пиксида в Эрлангене, воспроизводится по публикации: CVA Erlangen, Antikensammlung der Friedrich-Alexander-Universität, fasc. 2, Taf. 23, 1–7.

Рис. 4: а – крышка пиксиды из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б, д – пиксида с крышкой в Бохуме, воспроизводится по публикации: CVA Bochum, Kunstsammlungen der Ruhr-Universität, fasc. 1, Taf. 46,1–4; в – пиксида с крышкой во Флоренции, воспроизводится по публикации: Lyons 2009, fig. 4; г – крышка пиксиды в Орвьето, воспроизводится по публикации: CVA Orvieto, Museo Claudio Faina, fasc. 1, tav. 4,1–5; е – крышка пиксиды в Орвьето, воспроизводится по публикации: CVA Orvieto, Museo Claudio Faina 1, tav. 1,2.

Рис. 5: а – пиксида из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – пиксида в Берлине, воспроизводится по публикации: Lyons, 2009, p. 173, fig. 8; в – пиксида в Орвьето, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 396337; г – фрагмент пиксиды из Марцаботто, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 352278.

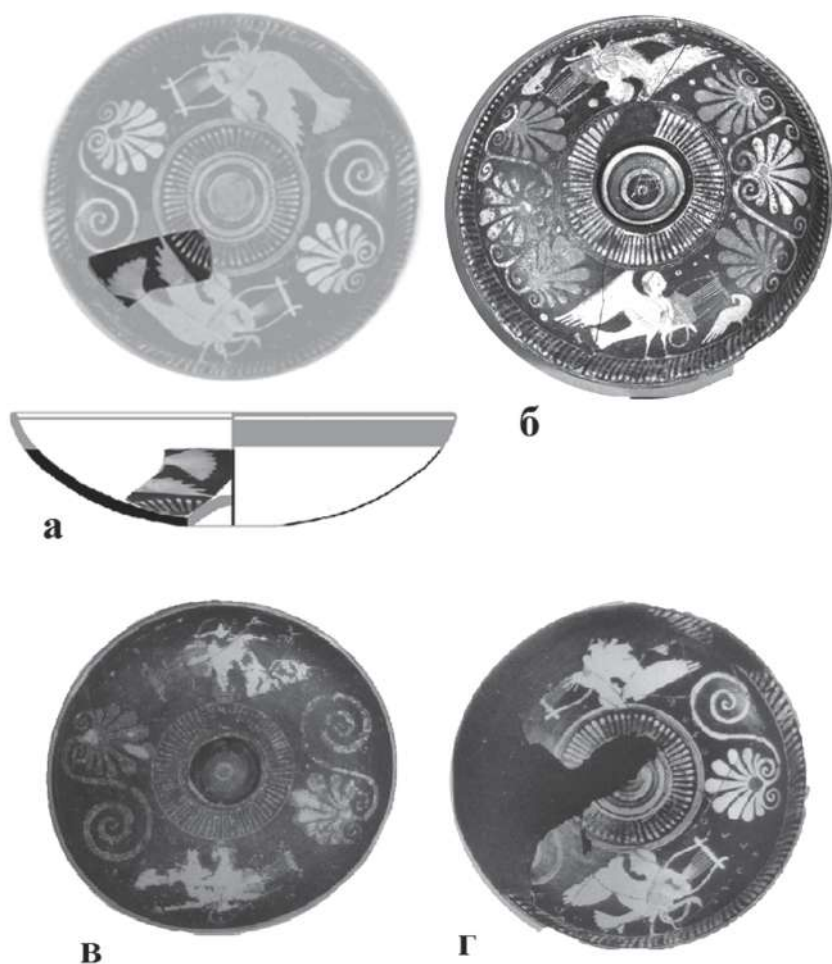

Рис. 6: а – фиала из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – фиала из собрания Британского музея, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: VAPD 28968; в – фиала из раскопок Камиросы, воспроизводится по публикации: Φριτζίλας 2006, πίν. 46, 176; г – фиала в Элевсине, воспроизводится по публикации: Φριτζίλας 2006, πίν. 46, 175.

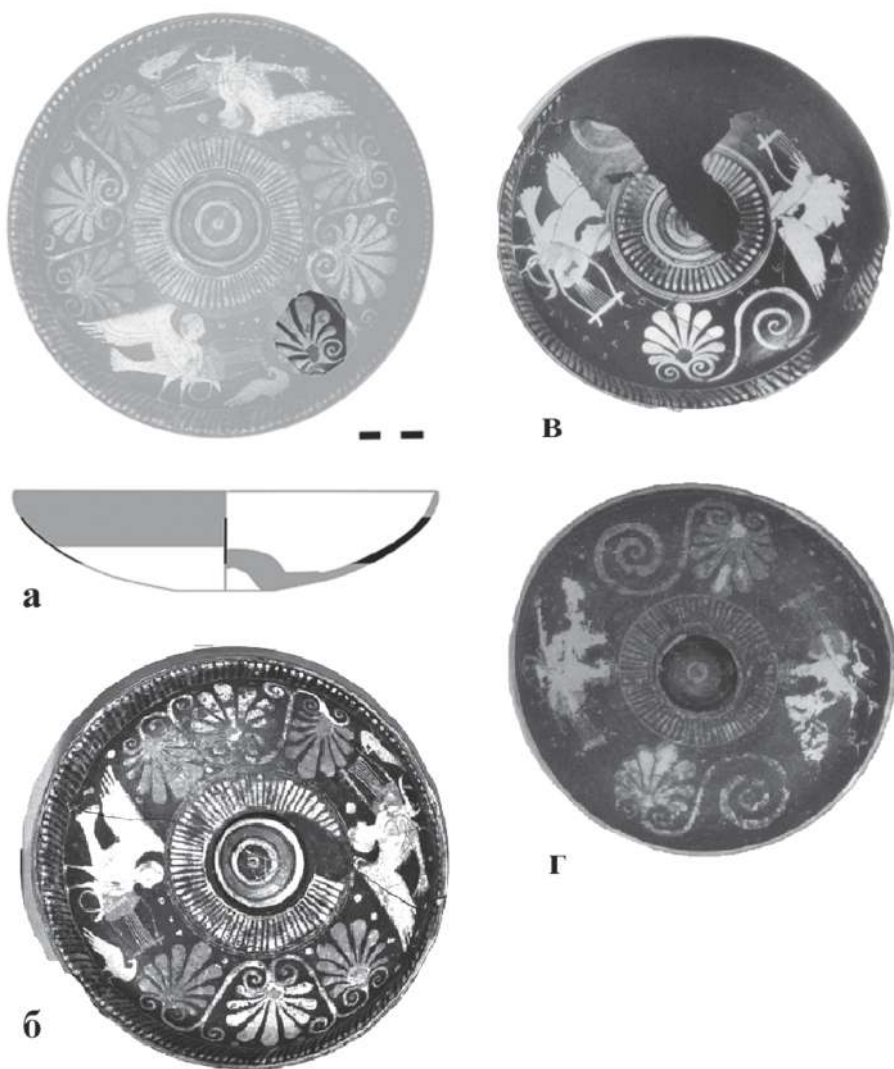

Рис. 7: а – фиала из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – фиала из собрания Британского музея, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 28968; в – фиала в Элевсине, воспроизводится по публикации: Фритζιλας, 2006, πίν. 46, 175; г – фиала из раскопок Камироса, воспроизводится по публикации: Фритζιλας, 2006, πίν. 46, 176.

а

б

в

г

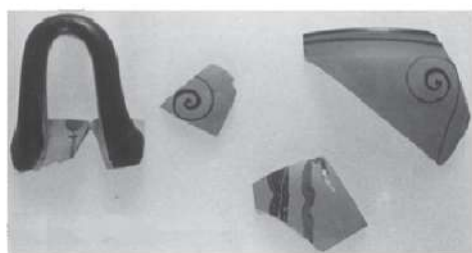
Рис. 8: а – «чаша с ручками-вилочками» из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – две стороны «чаш с ручками-вилочками» в Берлине, воспроизводится по фотографиям в Архиве Бизли: BAPD 258; в – две стороны «чаш с ручками-вилочками» в Бостоне, воспроизводится по публикации: CVA Boston, Museum of Fine Arts, fasc. 2, pl. 88,1–5; г – «чаша с ручками-вилочками» из Сард, воспроизводится по публикации: Ramage, 1983, pl. 63, fig. A.

а

б

в

г

д

Рис. 9: а – фотография фрагментов чаши из Тиритаки; б – две стороны фрагментированной чаши в Музее агоры в Афинах, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 330713; в – фрагменты чаши из находок на агоре в Афинах, воспроизводится по публикации: Moore, Philippides 1986, pl. 117, cat. 1825; г – чаша в Риме, воспроизводится по публикации: CVA Roma, Musei Capitolini, fasc. 1, tav. 42,4; д – чаша в Никосии, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: BAPD 340241.

а

б

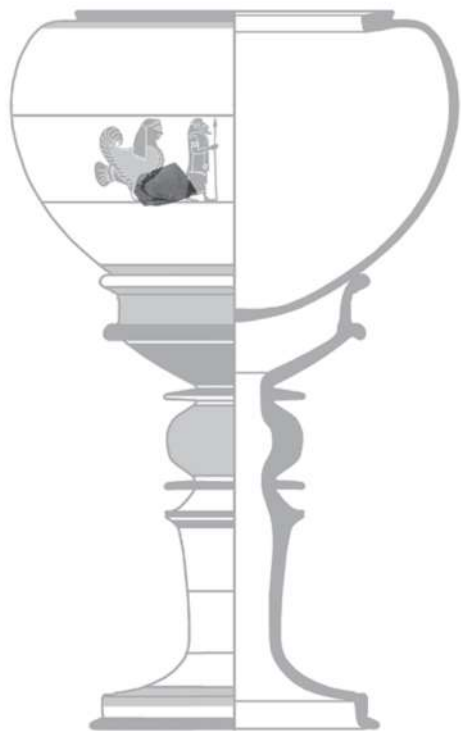

в

г

Рис. 10: а – чашевидный кратер из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – чашевидный кратер в собрании Лувра, воспроизводится по публикации: CVA Paris, Louvre fasc.2, pl. 7,3-4; в – чашевидный кратер из Сиракуз, воспроизводится по публикации: Zisa, 2007, cat. 12; г – чашевидный кратер в Брюсселе, воспроизводится по публикации: CVA Brussels, fasc. 2, pl. 17,2a-d.

а

б

Рис. 11: а – динос из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – динос с подписью Софилоса в Британском музее, воспроизводится по фото в Архиве Бизли: VAPD 350099.

Рис. 12: а – мастоиды из Тиритаки, реконструкция А.Г. Букиной; б – мастоид в Голухове, воспроизводится по публикации: CVA, Goluchow, Musee Czartoryski, pl. 15,1; в – мастоид в Праге, воспроизводится по публикации: CVA Prague, fasc. 1, pl. 38,3–5; г – мастос в Малибу, воспроизводится по фотографии в Архиве Бизли: BAPD 4523.